

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, №3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Бочарова Е.Н. Основные исследовательские подходы к изучению составных пазовых орудий конца палеолита-неолита Евразии.....	7
Марченко Д.В., Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Гунчинсурен Б.	
Распределение находок как отражение природных и культурных процессов (по материалам археологического горизонта 4 стоянки Толбор-4, Северная Монголия)	31
Савельева А. С. Элементный состав металла сопроводительного инвентаря из кургана № 4 могильника Утинка тагарской культуры (по материалам раскопок В. В. Боброва 1974, 1975 гг. в северной лесостепи)	47
Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Тишкин Ал.Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П. Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения.....	66

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ерохина О.В., Захаров В.Ю. «Строгое наблюдение или выселение?»: к вопросу о положении немцев в Петроградской губернии в 1914–1916 гг.	85
Кобец О.В. Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния	103
Смирнова Т.Б. Народы Сибири, их численность и динамика в постсоветский период.....	121
Уваров С.Н. Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г.....	142
Черказьянова И.В. Немецкие школы Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) в XIX — первой трети XX в.: общие закономерности и особенности развития	155
Чернышева Н.В., Ситникова Е.Л., Ажигулова А.И. Этнические меньшинства на территории Сибири и Дальнего Востока в 1939–1959 гг.: основные тенденции воспроизведения	172

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Габдрахманова Г.Ф. Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан	194
Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.....	223
Чеджемов С.Р. Государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX вв.	238

ДЛЯ АВТОРОВ..... 257

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, №3

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Bocharova E.N.</i> The principal approaches to the study of composite slotted tools in the Late Paleolithic-Neolithic of Eurasia	7
<i>Marchenko D.V., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B.</i> Distribution of finds as a reflection of natural and cultural processes (evidence from archaeological horizon 4 of the Tolbor-4 site, Northern Mongolia).....	31
<i>Savelieva A.S.</i> Elemental composition of the metal of the accompanying inventory from the burial mound No. 4 of the Utinka burial ground of the Tagar culture (based on the materials of the excavations of V.V. Bobrov in 1974, 1975 in the northern forest-steppe)	47
<i>Tishkin A.A., Bondarenko S.Yu., Tishkin Al.Al. (Jr.), Erdenepurev P.</i> Memorial complexes of ancient nomads of Inner Asia: results and prospects of study.....	66

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Erokhina O.V., Zakharov V.Yu.</i> "Strict supervision or eviction?": toward a question of the situation of Germans in Petrograd province in 1914–1916	85
<i>Kobets O.V.</i> New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province.....	103
<i>Smirnova T.B.</i> Nations of Siberia, their number and its dynamics in the post-Soviet period.....	121
<i>Uvarov S.N.</i> Marital behavior of the Udmurts according to the 1994 microcensus	142
<i>Cherkazyanova I.V.</i> German schools of St. Petersburg province (Leningrad region) in the XIX — first third of the XX century: general regularities and peculiarities of development	155
<i>Chernysheva N.V., Sitnikova E.L., Azhigulova A.I.</i> Ethnic minorities in Siberia and the Far East in 1939–1959: the main trends of reproduction	172

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSATIONAL RELATIONS

<i>Gabdakhmanova G.F.</i> The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan	194
<i>Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.</i> The ethno-religious factor in the socio-economic adaptation of the Muslim population of the Yenisei province in the XIX — early XX centuries	223
<i>Chedzhemov S.R.</i> State-confessional relations in the Caucasus in the nineteenth and early twentieth centuries	238

FOR AUTHORS.....	257
-------------------------	-----

УДК 373 (430+470) (09)
DOI 10.14258nreur(2025)3-09)

И. В. Черказьянова

*Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Пушкин (Россия)*

НЕМЕЦКИЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) В XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

В настоящей статье анализируется история школ немецких поселенцев под Петербургом/Ленинградом практически на всем протяжении их существования, от возникновения первых форм обучения при поселении на новых местах и вплоть до закрытия их по политическим мотивам в конце 1930-х гг. Цель работы — выявление общего и особенного в развитии школьного образования и школьного строительства петербургских колонистов в сравнении с колонистами других регионов страны, в первую очередь с немцами Поволжья. Общие черты в становлении и развитии колонистских школ связаны как с традицией протестантов обязательного обучения детей, так и общей политикой правительства в отношении немецкого населения и их образовательной сферы. Характерные черты школ петербургских колонистов проявляются на всех этапах изучаемого периода, что в значительной мере объясняется близостью столицы (в дореволюционный период) и крупнейшего в стране научного, культурного и образовательного центра, статус которого сохранял Ленинград. Особенности проявлялись в обеспеченности немецкого населения школами, возможностью получать педагогов из числа городских учителей, а также особым отношением к немцам со стороны властей как до революции, так и в годы советской власти.

Ключевые слова: российские немцы, немецкие колонии, петербургские колонисты, немцы Поволжья, образование, школа, педагогические кадры, Санкт-Петербургская губерния, Ленинградская область

Цитирование статьи:

Черказьянова И. В. Немецкие школы Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) в XIX – первой трети XX в.: общие закономерности и особенности развития // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 155–171. DOI 10.14258nreur(2025)3-09)

Черказьянова Ирина Васильевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. **Адрес** для контактов: cherk@inbox.ru; <http://orcid.org/0000-0002-1569-002X>.

I. V. Cherkazyanova

Pushkin Leningrad State University, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Saint Petersburg (Russia)

GERMAN SCHOOLS OF SAINT-PETERSBURG PROVINCE (LENINGRAD REGION) IN THE XIXTH – FIRST THIRD OF THE XXTH CENTURY: GENERAL REGULARITIES AND PECULIARITIES OF DEVELOPMENT

This article analyzes the history of German settler schools near St. Petersburg/Leningrad practically throughout their existence, from the emergence of the first forms of education during settlement in new places to their closure for political reasons in the late 1930s. The purpose of the paper is to identify the common and special features in the development of school education and school construction of St. Petersburg colonists in comparison with the colonists of other regions of the country, primarily the Germans of the Volga region. The common features in the formation and development of colonist schools are related both to the Protestant tradition of compulsory education of children and the general government policy towards the German population and their educational sphere. Characteristic features of the schools of St. Petersburg colonists are manifested at all stages of the period under study, which is largely due to the proximity of the capital (in the pre-revolutionary period) and the country's largest scientific, cultural and educational center, the status of which was maintained by Leningrad. The peculiarities were manifested in the provision of schools for the German population, the possibility of obtaining teachers from among the city teachers, as well as the special attitude towards Germans on the part of the authorities both before the revolution and during the years of Soviet power.

Keywords: Russian Germans, German colonies, education, school, teaching staff, St. Petersburg Province, Leningrad Region.

For citation:

Cherkazyanova I. V. German schools of St. Petersburg province (Leningrad region) in the XIX – first third of the XX century: general regularities and peculiarities of development. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 155–171 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)3-09.

Cherkazyanova, Irina Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of the Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** cherk@inbox.ru; <http://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

Введение

Школа является тем институтом, который в значительной степени формирует и сохраняет этническое самосознание народа, способствует формированию идентичности. Изучение прошлого опыта этносов и небольших этнических групп и критический подход к этому наследию позволяет применять в современной образовательной практике наиболее успешные формы деятельности, а также учитывать выводы из опыта взаимодействия общества, церкви и государства в вопросах национального образования. Эти положения определяют актуальность темы.

Объектом исследования выступает школьное строительство и образовательный процесс среди петербургских немецких колонистов, предметом изучения является начальная школа переселенцев из германских княжеств и стадии ее развития в разные исторические периоды. Используются проблемно-хронологический и сравнительный методы.

Целью работы является выявление особенностей и закономерностей функционирования подстоличных немецких школ по сравнению с колонистами других регионов на протяжении XIX — первой трети XX в. В задачи исследования входит: определить статистику немецкого населения, школ и уровня грамотности колонистов в дореволюционный и межвоенный периоды; выявить особенности учительского состава и внедрения русского языка в колонистских школах под Петербургом в первой половине XIX в.; проследить общую судьбу городских и сельских немецких школ Петроградской губернии в годы Первой мировой войны; показать особенности немецких школ Ленинградской области в сравнении с немцами Поволжья в первые десятилетия советской власти.

Статистика немецкого населения Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) и школьного строительства

Немецкие колонисты обосновались под Петербургом в ходе двух волн переселения иностранцев в Россию. Первая группа появилась в 1765–1767 гг. (Новосаратовка, Средняя Рогатка, Ижорская/Колпинская и три колонии под Ямбургом). При Александре I основаны так называемые приморские колонии: Стрельнинская, Кронштадтская, Ораниенбаумская, Кипень, Петергофская. Ямбургские колонии (Луцкая, Франкфуртская, Порховская) были населены католиками, в остальных проживали лютеране, чьи церковные приходы относились к Петербургской евангелическо-лютеранской консистории. В структуре населения губернии, по итогам переписи 1897 г., протестанты составляли 267 811 чел. (12,7%), преобладали финны (44,1%), на долю немцев приходилось 21,8% [Памятная книжка, 1905: 66].

Немецкое население петербургских пригородов на протяжении всего исследуемого периода оставалось малочисленным, однако в колониях устойчиво существовали школы с начала появления поселений и вплоть до их запрета в 1938 г. Мы ис-

ходим из того, что школы в колониях являются ровесниками самих поселений, так как религиозная этика протестантизма требовала подготовки детей к конфирмации, поэтому обучение начиналось даже при отсутствии школьных зданий и профессиональных учителей.

В 1848 г. в целом в Петербургской губернии, без учета столицы, насчитывалось 11 890 немцев, из них 11 420 лютеран и 470 католиков [Об инородческом..., 1850, ч. 2: 187]. По данным ревизии 1851 г., численность немецких колонистов Российской империи составляла 368 871 чел. (188 456 душ мужского пола и 180 415 душ женского пола). Мужское население Петербургской губернии насчитывало 1804 чел. Население крупных конгломератов немецких поселений на Волге и юге России занимало верхние строчки в статистических подсчетах. Так, в Саратовской губернии проживало 48 350 немцев, Самарской — 36 079, Таврической — 17 348 [Извлечение из отчета, 1852: прил. 7]. На 1895 г. в Петербургской губернии проживало уже 5603 колониста обоего пола, в том числе незначительная часть из них перебралась в города губернии (36 мужчин и две женщины) [Памятная книжка, 1895, ч. 3: 31].

О количестве школ у колонистов в первые десятилетия существования можно судить по данным Министерства государственных имуществ (МГИ). При передаче иностранных колоний из ведения Министерства внутренних дел (МВД) в ведение МГИ (1838) было установлено, что больше половины школ (53,8%) находилось в южных губерниях: Таврической (75), Екатеринославской (45), Херсонской (33). В Саратовской губернии насчитывалось 107 школ, Лифляндской — 9, Черниговской — 9, Петербургской — 8, Воронежской — одна школа [Таблицы учебных заведений, 1838: 54–55].

Общероссийская статистика школ иностранных поселенцев ограничена. Обобщающие сведения начала XX в. дают материалы школьной переписи 1911 г. В начальных школах Министерства народного просвещения (МНП) и духовного ведомства обучалось 151 365 учеников, чьим родным языком был немецкий (2,57% от общего числа учащихся). В основном они учились в сельских школах (130 561 чел., 86%) и около 14% — в городских [Однодневная перепись, вып. 16, 1916: II]. В Бессарабской, Волынской, Донской, Екатеринославской, Самарской, Саратовской, Таврической, Херсонской губерниях, где проживала большая часть немецкого населения, действовало 1195 начальных немецких школ. В них насчитывалось 85 349 учеников (44 016 мальчиков и 41 333 девочек) [Однодневная перепись, вып. 16, 1916: 14]. В Саратовской губернии работало всего 67 школ, однако здесь отмечено самое большое количество учащихся — 19 500 чел. Цифры свидетельствуют об огромной нагрузке на одного учителя. В Петербургской губернии было учтено 2026 учащихся с родным немецким языком, в том числе 919 чел. обучалось в сельской местности, главным образом в Петербургском уезде [Однодневная перепись, вып. 1: 72].

После окончания Первой мировой войны немецкое население Петрограда и губернии резко сократилось. Согласно переписям 1910 и 1920 гг., численность жителей города и пригородов соответственно составляла 46 931 и 11 167 чел. [Статистический сборник, 1922: 11]. По итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. следует, что в Ленинграде проживали 16 916 немцев, а всего по губернии, включая Ленинград, — 30 353 чел. [Национальные меньшинства, 1929: 6]. Несмотря на то, что немецкие школы колони-

стов закрывались во время войны, к концу 1920-х гг. в сельской местности работали десять школ.

Таким образом, можно говорить об устойчивости школьной традиции в немецких колониях на протяжении дореволюционного столетия и первых десятилетий советской власти. Численность школ соответствовала количеству наиболее крупных немецких поселений под Петербургом/Ленинградом, количество жителей колоний не влияло на рост числа школ, поскольку изначально в среде немецких колонистов различных губерний действовал принцип разумной достаточности: одно поселение — одна школа.

Школы немецких колонистов под Санкт-Петербургом в XIX в.

Начало школьного обучения у первых переселенцев не было связано с наличием специального здания. Из старейших колоний под Петербургом лишь жители Новосаратовки при поселении внесли в контракт 1765 г. положение о строительстве школы и содержании учителей на средства казны. В первые годы жители петербургских Ижорской и Среднерогатской колоний, основанных в 1760-е гг., не имели возможности построить школьное здание, поэтому по очереди предоставляли для проведения занятий свои дома. В Ижорской колонии подобная практика продолжалась до 1810 г., а в Среднерогатской колонии средства на строительство школы появились уже в 1790-е гг. [Бахмутская, 2020: 163–164].

В «приморских» колониях строительство первых школ также велось за счет казны. Первое школьное здание в Стрельнинской колонии было построено на казенные деньги в 1818 г. В 1896 г. на средства жителей и при содействии Центрального комитета Вспомогательной кассы евангелическо-лютеранских приходов России была построена новая школа. В 1906 г. был воздвигнут каменный дом для учителей. В ремесленной колонии Фриденталь, основанной в 1819 г., школьные занятия с самого начала проводились в доме, принадлежавшем старосте колонии А. Кемперу. Ревизия петербургских колоний в феврале 1859 г. показала отсутствие школ и церквей в небольших «приморских» колониях. Однако это не соответствовало реальности. В Кронштадтской колонии, самой многолюдной, школа работала и принимала детей из близлежащих колоний, учитель получал 85 руб. в год. Ревизор положительно отзывался о работе учителя в Кипени [РГИА. Ф. 383. Оп. 22. Д. 32 939. Л. 20, 57].

Обеспеченность всех детей школами при малой нагрузке на одного учителя была одной из особенностей петербургских колонистов. В 1846 г. по ведомству Санкт-Петербургской палаты МГИ состояло 25 крестьянских школ и 8 школ колонистов. В первых обучалось до 950 детей, в колонистских школах — до 600. По подсчетам ведомства, у казенных крестьян один ученик приходился на 65 жителей, а у колонистов — один на шесть жителей [Военно-статистическое обозрение, 1851: 297].

Школьные здания в дочерних колониях появлялись сравнительно поздно, долгое время занятия проходили в арендованных помещениях. Средства на их строительство или ремонт обветшавших строений в виде кредита с рассрочкой на несколько лет выделяла Вспомогательная касса евангелическо-лютеранских приходов России. Чаще всего молитвенный дом и школа занимали одно здание и использовались поочередно. Уровень платежеспособности колонистов определял время рассрочки. Так, колонисты Янино получили в 1884 г. 600 руб. (на 10 лет) на строительство молитвенного дома и школы,

жителям Гражданки в 1887 г. на те же цели выделили 500 руб. (на 5 лет). На постройку школы и молитвенного дома в Овцыно в 1896 г. было выдано 700 руб. (на 10 лет). Школа обошлась в 3500 руб., из которых колонисты внесли 2000 руб., помощь из региональной лютеранской кассы составила 450 руб. Средства на школьное строительство получили и другие колонии: Ковалево (1874), Новопарголовская (1876) и Новоалександровская (1878) [Gernet, 1909: 68–71, 73]. В 1897 г. строительство нового молитвенного и школьного дома началось и в Веселом поселке Шлиссельбургского уезда.

В колониях действовали традиционные церковно-приходские школы, подчиненные духовенству. Внутренний распорядок лютеранских школ регулировался Положением «О правилах для школьного и катехизического учения в колониях саратовских иностранных поселенцев». Законопроект был подан Генеральной евангелическо-лютеранской консисторией и, по сути, закреплял традиционную систему образования у протестантов. Хотя правила 1840 г. были разработаны для саратовских колоний, они стали применяться во всех лютеранских и католических колонистских школах. На южно-российские колонии правила распространялись в 1845 г. [РГИА. Ф. 383. Оп. 8. Д. 7153. Л. 12–13], а в 1847 г. и на петербургские.

Правила определяли обязанности духовенства, учителей и родителей. Пасторы должны были внушать прихожанам святость их долга воспитывать детей в любви к Богу и своевременно посыпать их в школы. Духовенство обязано было регулярно посещать школы в колониях. Обязанностью родителей было ежедневно отправлять в школу детей или питомцев обоего пола, достигших семилетнего возраста, а в воскресенье посещать уроки катехизиса. Учитель обязан был вести список всем детям школьного возраста, ежедневно отмечать отсутствующих не только на своих уроках, но и на воскресных занятиях по катехизису. Пропуски допускались по уважительным причинам, иначе родители выплачивали штраф.

Важным моментом в жизни школ немецких колонистов империи стало введение русского языка. В 1830–1840-е гг. сначала в Поволжье, а затем и на юге России были созданы специальные учебные заведения (центральные училища), где готовили писарей и учителей начальных школ со знанием русского языка. Это была инициатива государства. В петербургских колониях подобных училищ не было, но русский язык был введен раньше, чем в других регионах, а идея впервые была использована в Средней Рогатке.

В Среднерогатской школе русский язык был введен в 1825 г. учителем Иваном Мильером, прусским подданным, до этого работавшим в Петербурге. Преобразование школы произошло по представлению инспектора петербургских колоний И. П. Бунина [РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195. Л. 1–1 об., 2 об. — 3]. Одновременно в колонии учреждалась система взаимного обучения, организованная по методу Белл-Ланкастера, которая широко применялась в столице. Необходимость начальной школы в колониях не подвергалась сомнению, она была важнейшей частью духовной жизни, но колонисты не соглашались на открытие в селе второй школы или школы повышенного типа, так как это требовало от них дополнительных средств. Поэтому в 1829 г. жители Среднерогатской колонии выступили против учреждения дополнительной школы по финансовым соображениям. Существующая школа была образцовой для всех подстолич-

ных колоний. В ней было 7 классов, учебные занятия продолжались 180 дней в году с перерывом на сезонные полевые работы. В школе изучали закон Божий, Священную историю, немецкий и русский языки, арифметику, естественную историю, дети седьмого класса читали и писали на обоих языках.

В 1829 г. опыт школы взаимного обучения в Средней Рогатке попытались распространить на все колонии. Жители Новосаратовки сразу категорически отказались от нововведения. Колонисты по-разному объясняли отказ от новой формы обучения: одни были и так довольны успехами детей, другие не хотели, чтобы их «дети маршировали», третьи ссыпались на мнение пастора, довольного школой [РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195. Л. 10]. Новая методика была внедрена в Стрельнинской колонии. 6 декабря 1829 г. состоялось торжественное открытие новой школы, на нем присутствовали высокие особы из Петербурга [РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1198. Л. 1–3]. Однако метод не прижился ни в Петербурге, ни в колониях, и его впоследствии отменили.

О результативности обучения на русском языке (основы арифметики и чтение) говорят цифры. В 1827 г. через два года после введения русского языка в Средней Рогатке из 74 учащихся умели складывать числа на русском 25 детей и 49 умели читать [РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195. Л. 3].

На развитие школ петербургских колонистов, как и в целом на уровень благосостояния, на процесс освоения русскоязычной культуры колонистами, несомненно, влияла городская среда. Как уже говорилось, близость столицы оказывала влияние на выбор и уровень подготовки учителей, характер обучения колонистских детей. Учительский состав отличался стабильностью, некоторые учителя работали в колониях десятилетиями. Одной из особенностей немецких школ под Петербургом было использование одних и тех же педагогов для детей колонистов и питомцев Петербургского воспитательного дома, живших в колониях.

Карл Бриземайстер работал в Стрельнинской школе, с 1832 г. начал одновременно обучать русской грамоте отдельных питомцев. В 1835 г. он брался обучить русской грамоте возросшее число питомцев за полтора года, при условии, что колонисты будут отпускать воспитанников на занятия 3–4 раза в неделю [ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 7 об.]. Осенью 1837 г. Опекунский совет Воспитательного дома разрешил А. Ф. Родендорфу, учителю колонистских детей и питомцев Средней Рогатки, дополнительно обучать детей из Воспитательного дома в Ижорской и Фридентальской колониях [РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 442. Л. 1об., 6, 16]. Известно, что Родендорф был родом из Митавы, лютеранин, из мещан. На службу поступил 1 октября 1835 г. в школу Средней Рогатки и остался учителем здесь более 40 лет. Одновременно он исправлял обязанности писаря в сельском приказе. До него в Средней Рогатке десять лет работал Иван Миллер. Учитель Фридрих Вильгельм Бензель (Е. В. Бинзель), иностранец, в 1837 г. занял вакансию в Новосаратовской школе вместо умершего учителя Фролова, с 1843 г. работал одновременно в Овцыно, обучая питомцев [РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 442. Л. 18–18 об.]. Обращает на себя внимание тот факт, что учителями колонистских детей были немцы и русские. Кроме упомянутых учителей (Фролов, Миллер, Бриземайстер, Родендорф, Бинзель), работали коллежский регистратор Михаил Луба (Гражданка, 1852), Бруннер (Новосаратовка, 1864, переведен в Петербург), Эрниц (Новосаратовка, с 1864). [РГИА.

Ф. 758. Оп. 9. Д. 658. Л. 1–1 об.; Д. 442. Л. 72об.]. Известны учителя Стрельнинской школы. Первыми были М. Вернер, Г. Мазинг, А. Шперер, К. Бриземайстер. Затем преподавали: Эрниц (до 1864), Фурман (1864–1898), Кислинг (1898–1902), Бернарделли (1903–1905), Флор (1905), Узинг (1906–1907), Вейдеман (с 1907) [Гернет, 1910: 22].

Важнейшие перемены в жизни иностранных колонистов произошли в ходе реформы 1871 г., уравнявшей колонистов с другими категориями крестьян. Вслед за этим колонистов коснулась военная реформа (1874), а также изменения в сфере образования. Законом от 22 ноября 1890 г. все протестантские школы в округах Санкт-Петербургской и Московской лютеранских консисторий передавались из ведения МВД в МНП, тем самым школы выводились из подчинения церкви [ПСЗ-3, т. 10, № 7211]. Закон касался всех без исключения школ, городских и бывших колонистских, состоявших при лютеранских церквях. Однако закон не распространялся на училища св. Анны и св. Петра в Петербурге.

После передачи лютеранских школ в ведение МНП возобладало светское управление учебными заведениями, за церковью сохранялось лишь духовное назидание, подготовка детей к конфирмации. Колонисты утратили право самим выбирать учителей, теперь педагогов назначало учебное ведомство. Вокруг новых учителей возникали конфликты, поскольку традиционно учитель был самым авторитетным лицом в колонии после пастора, и колонисты очень требовательно относились к этому человеку. Так, осенью 1890 г. пятеро из тринадцати поселенян Кронштадтской колонии Ораниенбаумской волости отказались содержать назначенную учительницу, которая «не имела прав учительствовать, но имела незаконную dochь». Волостной суд обязал протестующих вносить плату за преподавание наравне с другими жителями колонии [ЦГИА. Ф. 766. Оп. 1. Д. 596. Л. 1–1 об.].

В 1905 г. школьная сеть немецких поселений состояла из училищ (школ), подведомственных МНП, некоторые были переданы на содержание в земства. Школы действовали в следующих поселениях Новосаратовского лютеранского прихода: Гражданка, Новопарголово, Каменка, Средняя Рогатка, Новосаратовка, Новоалександровка, Веселый поселок [Памятная книжка, 1905: 378]. К земским относилась школа в Кипенской колонии Петергофского уезда. В 1908 г. Стрельнинская школа также была передана земству. На содержании земства состояли две немецкие школы в Новгородской губернии (Александровская и Новониколаевская). В этот период самая большая школа у немцев Петербургского уезда была в Новосаратовке (176 учеников), за ней следовала Среднерогатская (112). В дочерних колониях (Гражданка, Каменка, Новоалександровка, Новопарголовская) обучалось от 28 детей до 41 ребенка [Памятная книжка, 1898: 230, 255]. Как правило, ученики были детьми одного поселения. Однако маленькие ямбургские колонии не имели возможности содержать отдельные школы, поэтому их дети посещали немецкую школу в Ямбурге.

Немецкие школы в годы Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны в стране развернулась «антинемецкая кампания», затронувшая все сферы жизнедеятельности. Запрет на использование немецкого языка в общественных местах сначала был введен в прифронтовых губерниях, а затем распространился на другие регионы. Первой территорией, где был запрещен не-

мецкий язык, была Екатеринославская губерния. По стране прошла серия переименований немецких поселений. Так, Франкфуртская колония в Ямбургском уезде стала поселком Заречное.

Первые запреты в сфере образования касались учителей, подданных неприятельских государств, — с 1 августа им предлагалось перейти в российское подданство. Вскоре были введены меры в отношении учащихся, чьи родители были германскими, австрийскими и венгерскими подданными — прием в школы этих детей приостанавливался до окончания войны.

25 августа 1914 г. появились первые распоряжения МНП относительно языка преподавания в немецких школах, которые касались пока лишь школ Петрограда: с начала 1914/15 учебного года обучение в училищах при немецких и евангелическо-лютеранских и реформатских церквях переводилось на русский язык. Исключение было сделано для выпускных классов: немецкий язык был оставлен лишь для преподавания латинского и греческого языков до конца учебного года [Циркуляр, 1914, № 9: 701]. С 1 сентября аналогичные меры были приняты в отношении немецких училищ при иноверческих церквях Москвы.

24 декабря 1914 г. император утвердил постановление о языке преподавания в немецких колонистских школах [Особые журналы, 1914: 598–599]. Оно распространялось на немецкие начальные училища в Варшавском учебном округе и в поселениях немецких колонистов других округов. Немецкий язык был оставлен только для преподавания закона Божьего и родного языка.

Исполнение запретов регулярно проверялось. 14 июня 1915 г. вышло распоряжение попечителя Петроградского округа «О надлежащей постановке в школе как при преподавании, так и во всем школьном обиходе русского государственного языка» [Циркуляр, 1915, № 6: 454–455]. В целях «ограждения достоинства государственного языка» требовалось срочно заменить все еще сохраняющиеся в некоторых школах дневники, классные журналы, расписания, прочие документы старого образца на немецком языке. Но школы заготовили различные бланки к началу 1914/15 учебного года в больших количествах и не смогли в короткое время заменить их новыми, на преобразования требовалось еще и дополнительные средства. Управляющий округом категорически потребовал как в преподавании, так и в школьном общении употреблять исключительно русский язык.

18 августа 1916 г. был принят закон «О воспрещении преподавания на немецком языке», который запрещал немецкий язык во всех учебных заведениях империи, включая Юрьевский университет [Собрание узаконений, 1916, отд. 1: 2342].

В годы войны не было специального закона о закрытии немецких школ, хотя запреты на деятельность школ появлялись на уровне учебных округов, например, в Прибалтике. Тем не менее общая ситуация, связанная с употреблением языка, допуском к работе лишь учителей со знанием русского языка, увольнением преподавателей — подданных неприятельских государств, применением «ликвидационных» законов относительно землевладения и землепользования немцев-подданных России, мобилизации учителей в армию — все это способствовало закрытию школ. К 1 марта 1915 г. только в Екатеринославской губернии было закрыто 75 школ, а всего по Одесскому учебно-

му округу — 112 [РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 59об.]. В январе 1915 г. попечитель Киевского учебного округа ходатайствовал о закрытии 302 школ в Киевской и Волынской губерниях [РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 13–15]. В Эстляндии с 1914 по 1916 г. были закрыты 12 из 17 средних школ с немецким языком обучения, а в остальных стали преподавать на русском языке. [Андреева, 2008: 217] Не избежали этой участи школы петербургских и новгородских колонистов. В 1915 г. закрылись школы в Новониколаевской и Александровской колониях Новгородского уезда. В Ямбурге школа, которую посещали дети близлежащих колоний (Луцкая, Франкфуртская и Порховская), также была запрещена в 1915 г.

Положение немецких школ в Ленинграде и области в довоенный период

Антинемецкая кампания, последовавшая затем Гражданская война и разруха привели немецкое образование в стране в плачевное состояние. Бедственное положение немецких школ отмечалось во всех губерниях. В 1921 г. на школьное образование в стране выделялось только 10% из бюджетных средств. В итоге в 1919–1923 гг. школьная сеть немцев значительно сократилась.

Летом 1919 г. на Третьем съезде Советов Области немцев Поволжья говорилось, что свыше половины всех детей не в состоянии посещать школы, особенно зимой. Главными причинами были: отсутствие школ, острая нехватка учителей, подготовленных в духе новой идеологии, новых учебников, письменных принадлежностей, одежды и обуви. Исходя из местных возможностей, под школы отдавались здания бывших волостных правлений, конфискованные дома зажиточных колонистов [Герман, 2007: 70].

Реальный подъем в строительстве школьного образования немцев начался лишь в середине 1920-х гг. В это время в СССР насчитывалось около тысячи школ, в том числе в РСФСР — 351 (1925), на Украине — 570 (1926) [Дённингхаус, 2011: 243].

После шестилетнего перерыва в 1921 г. вновь заработали школы под Петроградом, многие дети-переростки были неграмотны, преподавание велось на русском языке. В школе колонии Этюп работали три учителя — одна немка и двое русских, преподавание велось на русском языке, занятия посещали 117 учеников. Тогда же возобновилась работа в Ямбургской школе, занятия посещал 101 ученик, работали три учителя (два немца и одна русская). Отмечалось значительное число неграмотных детей школьного возраста, а немецкий язык школьников представлял смесь русских и немецких слов, поэтому приходилось обучать немецкому языку буквально с азбуки [Шрадер, 1998: 262].

В Новгородской губернии в 1921 г. работали три немецкие школы, но требовалось еще четыре, но положение школ было нестабильным, учителя увольнялись. Поэтому в 1924 г. остались лишь две школы в Новгородском уезде, которые открылись в 1921 г. после назначения туда учителей: в Новониколаевке с 1 октября (немецкий учитель), в Александровке после трехлетнего отсутствия учителя (русский учитель) — со 2 сентября [Немецкие колонии, 2017: 288]. При этом значительное количество детей школьного возраста оставалось вне школы. Сказывались отдаленные последствия закрытия школ в годы войны и длительного отсутствия учителей. В Александровской колонии Новгородского уезда в 1924 г. было выявлено 70 неграмотных молодых людей в возрасте от 12 до 30 лет, не умеющих читать и писать ни на немецком, ни на русском языках

[Немецкие колонии, 2017: 77–79]. В 1927 г. в Новониколаевке насчитывалось 98 неграмотных в возрасте от 14 до 30 лет [Немецкие колонии, 2017: 85].

В отчетах за 1923–1924 гг. показатели по немецкому населению Петроградской губернии значительно расходятся (от 8394 до 5729 чел.), но данные о школах стабильны: отмечались 12 школ в крупнейших колониях (Новосаратовская, Среднерогатская, Новопарголовская, Овцыно, Каменка, Колпинская, Стрельнинская, Янино, Красненькая, Кипень, Смольнинская, Ямбург) [Шрадер, 1998: 263]. Сеть немецких школ Ленинградской области в 1928 г. была представлена десятью школами 1-й ступени (здесь не учтены немецкие школы Ленинграда — Анненшule, Петришule, Катариненшule).

В 1920-е гг. нехватка и частая смена педагогов немецких школ была повсеместно характерной чертой. Не хватало учебных заведений для подготовки учителей, работали краткосрочные курсы. Одним из выходов было использование выпускников школ-девятилеток в качестве учителей начальных классов, как это делалось, например, в Республике немцев Поволжья. Однако в изучаемый период у немцев Ленинградской области не было школ повышенного типа, в то время как у поволжских немцев насчитывалось 12 школ-девятилеток. Так, например, в советское время в Стрельнинской колонии была лишь начальная школа 1-й ступени, по окончании которой дети переходили в школу-семилетку, расположенную в Константиновском дворце в Стрельне, т.е. повышенное образование они получали на русском языке.

Подготовка учителей велась на базе педагогических техникумов, открытых в Поволжье (Маркс, Зельман, Красный Кут) и на Украине (Хортица, Пришиб). В 1925 г. из Москвы в Ленинград был переведен Немецкий практический институт народного образования, реорганизованный в Немецкий педагогический техникум. В нем по квотам обучались немецкие студенты со всей страны, но даже забронированные места не всегда были заняты. Выпускники возвращались в те места, откуда их делегировали, некоторые оставались в Ленинграде, «лишних» кадров не было, чтобы их направить в другие районы. На базе техникума проводились краткосрочные курсы для переподготовки учителей. Однако «учительский голод» в стране техникум не мог решить.

Студенты Ленинградского техникума проходили педагогическую практику в Петришule, старейшей немецкой школе Петербурга. Подготовка воспитателей детских садов не была предусмотрена программой техникума, поэтому в 1927 г. организовали ускоренные занятия для воспитателей из студентов третьего курса и направили на практику в немецкие колонии Сибири, Крыма, Северного Кавказа, Ленинградской области. Так, под Ленинградом работали Берта Шок (Новопорховская колония), Мария Фрей (Каменка), Роза Шок (Средняя Рогатка) [Wosnessenskaja, 1928: 703–708].

Всесоюзная перепись населения 1926 г. показала высокий уровень грамотности немцев области: общая грамотность у мужчин-немцев составляла 82% (на родном языке — 73%), у женщин, соответственно, — 73 и 78% [Национальные меньшинства, 1929: 37]. К середине 1920-х гг. по грамотности немцы Ленинградской области занимали первое место в СССР, за ними следовали немцы АССР немцев Поволжья. На наш взгляд, это объясняется традициями немецких школ, отношением населения к школьным проблемам, близостью города и культурно-образовательными возможностями Петербурга/Ленинграда.

Сворачивание национальных программ и закрытие национальных школ в СССР в 1938 г.

Развитие национальных школ, противоречиво осуществлявшееся в первое десятилетие советской власти, уже в начале 1930-х гг. стали постепенно сворачивать. Хотя в Конституции СССР 1936 г. (ст. 121) было закреплено право на образование на родном языке, на практике начался явный отход от политики признания и поощрения родного языка в школе и в целом в культурно-образовательной среде. В 1932 г. закрылось Центральное издательство народов СССР, в 1934 г. были упразднены национальные отделы просвещения в органах управления. С августа 1935 г. прекратилось издание журнала «Просвещение национальностей». В апреле 1936 г. перестала выходить газета «Rote Zeitung» («Роте Цайтунг» — «Красная газета»), издававшаяся в Ленинграде с 1931 г.

В 1935 г. была ликвидирована подготовка учителей на базе Немецкого педтехникума Ленинграда. В 1934/35 учебном году латышский, немецкий и польский техникумы Ленинграда были объединены в один Педагогический техникум народов Запада. Но и он просуществовал недолго — 14 апреля 1935 г. приказом наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова был расформирован. Немецкое и польское отделения выводили из Ленинграда, немецкие студенты переводились в АССР немцев Поволжья [Смирнова, 2002: 181].

24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О реорганизации национальных школ», которое поставило точку в развитии национальных школ не титульных наций. Школы надуманно обвинялись в антисоветском влиянии на детей, а педагогов относили к врагам советской власти. Сохранялись лишь школы титульных наций, для немцев это означало ликвидацию школ везде, кроме АССР немцев Поволжья. В целом документ нанес огромный вред национально-языковому строительству, круто изменил политику развития национального образования в СССР. В то же время разворачивалась пропаганда о необходимости изучения русского языка, широко развернувшаяся после выхода 13 марта 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Острота проблемы особенно ощущалась среди новобранцев из среднеазиатских республик, Кавказа, из числа малых народов. Русский язык был нужен, но вместе с тем национальные школы лишились родного языка и превращались в русские.

Раньше других новые запреты коснулись немецких школ Ленинграда и Ленинградской области. 15 июля 1937 г. секретариат Ленинградского горкома ВКП(б) принял постановление «О немецком отделении 33-й школы Октябрьского района», после чего школа была расформирована. К 20 декабря 1937 г. бюро областного обкома партии подготовил проект постановления «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях», который признавал «вредным» существование финских, эстонских, немецких, польских и других школ, а также национальных отделений в средних специальных и высших учебных заведениях. К началу марта 1938 г. в Ленинградской области были реорганизованы 340 различных национальных школ, в том числе 9 немецких [Смирнова, 2002: 167-169].

Заключение

Анализ истории немецкой школы петербургских колонистов и сравнение ее с опытом немецких школ других регионов Российской империи и СССР свидетельствует о многих общих закономерностях, которые были обусловлены национальной политической царского правительства и советской власти, а также школьной традицией у немцев.

Рациональный подход немцев к делу проявлялся в принципе «разумной достаточности» — в одной колонии работала одна школа, поскольку содержание школы и учителя лежало на плечах самих колонистов. Общность истории школьного образования предопределялась традиционным отношением протестантов и в целом западных христиан к обучению детей, поскольку школы существовали в неразрывной связи с церковью. К неотъемлемым чертам менталитета немцев относятся обязательность посещениями школы их детьми обоего пола, уважительное отношение к церкви и учителю, помочь общин в содержании учебных заведений. Наблюдается приоритет духовного перед материальной стороной дела — обучение начиналось раньше, чем появлялось школьное здание.

В кризисные периоды наиболее ярко проявлялась общность судеб школ колонистов. Это наглядно прослеживается во время проведения колонистской реформы 1871 г., в период Первой мировой войны и в годы «большого террора». Школы либо унифицировались под общие правила (1890-е и 1930-е гг.), либо подвергались гонениям вплоть до их запрета.

Вместе с тем отмечаются различия в качестве обучения детей петербургских колонистов, которые в значительной мере определялись близостью колоний к столице. Влияние городской среды сказывалось на выборе учителей, в первые десятилетия это были выходцы из Европы, имевшие опыт проживания в Петербурге. Уровень грамотности и уровень владения русским языком в подстоличных колониях были выше, чем в других колониях. Русский язык здесь был введен раньше, чем в Поволжье и на юге России. В советское время разрыв в уровне грамотности немцев Ленинградской области и АССР немцев Поволжья явно обозначился, о чем свидетельствует статистика — немцы области и города занимали лидирующее положение в стране. История немецких школ (городских и колонистских) в различных регионах империи в период Первой мировой войны также имела некоторые отличия — запреты на использования языка в преподавании коснулись в первую очередь школ Петрограда. Эта особенность повторилась и в период разгула политических репрессий против немцев и западных меньшинств в 1930-е гг.: закрытие немецких школ началось в Ленинграде уже в 1937 г.

В советский период выявились некоторые недостатки в организации немецких школ близ Ленинграда, что также определялось близостью города. Здесь отсутствовали школы повышенного типа, что в некоторой мере влияло на пополнение кадрами сельских школ. Подростки продолжали обучение в школах повышенного типа в Ленинграде на русском языке, в то время как в Поволжье было более десятка школ-девятилеток. В то же время отмечаются и преимущества школ области и города, так как их использовали в процессе подготовки учителей на базе Ленинградского немецкого педтехникума, что говорит о достаточно высоком уровне самих школ.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда (проект № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>)

Acknowledgements and funding

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation (project No. 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб. : Издат. Дом Міръ, 2008. 312 с.

Бахмутская Е. В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е-1870-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 320 с.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 3, ч. 1: Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1851. 109 с.

Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.

Дённингхаус В. В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М. : РОССПЭН, 2011. 727 с.

Извлечение из отчета министра государственных имуществ за 1851 г. СПб., 1852. 188 с.

Национальные меньшинства Ленинградской области : сб. материалов. Л. : Орготдел Лен. облисполкома, 1929. 104 с.

Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти. 1918–1927: сб. док. СПб. : Нестор-История, 2017. 496 с.

Об инородческом, преимущественно немецком, населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. 2. С. 181–209.

Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб. : тип. «Экономия», 1916. Вып. 16. Ч. 1. 150 с.

Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб., 1913. Вып. 1. 112 с.

Особые журналы Совета Министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1914 год. М. : РОССПЭН, 2006. 700 с.

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1895 год. СПб. : губ. тип., 1895. 196 с.

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1898 год. СПб. : губ. тип., 1898. 378 с.

Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии. СПб. : губ. тип., 1905. 652 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. Т. 10. № 7211.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 8. Д. 7153.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 22. Д. 32939.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1198.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 758. Оп. 9. Д. 442.

- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 758. Оп. 9. Д. 658.
- Смирнова Т.М. Национальность — питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб. : Сударыня, 2002. 584 с.
- Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1916. Пг., 1916. 988 с.
- Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. 344 с.
- Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи, с показанием отношения числа учащихся к числу жителей. СПб., 1838. 109 с.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 8. Оп. 1. Д. 21;
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 766. Оп. 1. Д. 596.
- Циркуляр по Петроградскому учебному округу. Пг., 1914, 1915.
- Шрадер Т.А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг. // Немцы и образование в России. СПб. : Б-ка РАН, 1998. С. 260–267.
- Gernet A. [Гернет А.] Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstutzungskasse für Evangelisch-Lutherische Gemeinden in Rußland [История фонда поддержки евангелическо-лютеранских общин в России]. St. Petersburg [СПб.]: Buchdruckerei J. Watsar [Типография Я. Ватсара], 1909. 360 с. (на нем. языке).
- Wosnessenskaja Ch. [Вознесенская Ч.] Die Sommerpraxis der Studenten des Deutschen Pädagogischen Zentraltechnikums in Leningrad 1927 [Летняя практика студентов Центрального немецкого педагогического техникума в Ленинграде в 1927 году] // Wolgadeutsches Schulblatt [Вестник немецкой школы Поволжья]. 1928. № 7. С. 703–708 (на нем. языке).

REFERENCES

- Andreeva N.S. *Pribaltiiskie nemtsy i rossiiskaya pravitel'stvennaya politika v nachale XX veka* [Baltic Germans and Russian government policy in the early twentieth century]. SPb.: Izdat. Dom «Mir», 2008. 312 s. (in Russian).
- Bakhmutskaya E. V. *Nemetskie kolonii Sankt-Peterburgskoi gubernii. 1760-e-1870-e gg.*: Dis. ... kand. istor. nauk. [German colonies of St. Petersburg province. 1760s-1870s.: Ph. D. Thesis in History]. — SPb., 2002. 320 s. (in Russian).
- Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii* [Military-statistical review of the Russian Empire]. T. 3, ch. 1: Sankt-Peterburgskaya guberniya. SPb., 1851. Razd. pag. (in Russian).
- German A.A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918–1941* [German Autonomy on the Volga. 1918–1941]. M.: MSNK-press, 2007. 576 s. (in Russian).
- Denningkhaus V. *V teni "Bol'shogo Brata": zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR (1917–1938 gg.)* [In the Shadow of Big Brother: Western National Minorities in the USSR (1917–1938)]. M.: ROSSPEN, 2011. 727 s. (in Russian).
- Izvlechenie iz otcheta ministra gosudarstvennykh imushchestv za 1851 g.* [Extract from the Report of the Minister of State Property for 1851]. SPb., 1852. Prilozhenie 7 (in Russian).

Natsional'nye men'shinstva Leningradskoi oblasti [National minorities of the Leningrad Region]: sb. materialov / Sost. P. M. Yanson. L.: Orgotdel Len. oblispolkoma, 1929. 104 s. (in Russian).

Nemetskie kolonii Novgorodskoi gubernii v pervoe desyatiletie sovetskoi vlasti. 1918–1927 [German colonies of Novgorod province in the first decade of Soviet power. 1918–1927]: sb. dok. / Sost.: N. V. Salonikov (otv. sost.), N. S. Fedoruk i dr.; nauch. red. I. V. Cherkaz'yanova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. 496 s. (in Russian).

Ob inorodcheskom, preimushchestvenno nemetskom, naselenii Sankt-Peterburgskoi gubernii [On the alien, mainly German, population of St. Petersburg province]. Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del [Journal of the Ministry of internal Affairs]. 1850. Part 2. Pp. 181–209 (in Russian).

Odnodnevnaia perepis' nachal'nykh shkol v imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda [One-day census of elementary schools in the empire, taken on January 18, 1911] / Red. V. I. Pokrovskii. Vyp. 16, ch. 1: *Itogi po Imperii* [Empire totals]. Pg., 1916. IV, 150 s. (in Russian).

Odnodnevnaia perepis' nachal'nykh shkol v Imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda [One-day census of elementary schools in the empire, taken on January 18, 1911] / Red. V. I. Pokrovskii. Vyp. 1: *S.-Peterburgskii uchebnyi okrug* [St. Petersburg Educational District]. SPb., 1913. [2], II, 28, 112 s. (in Russian).

Osobyie zhurnaly Soveta Ministrov Rossiiskoi imperii, 1909–1917 gg. 1914 god [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, 1909–1917. 1914] / Otv. sost. B. D. Gal'perina; redkol.: B. D. Gal'perina i dr. M., 2006. 698, [1] s.

Pamyatnaya knizhka Sankt-Peterburgskoi gubernii na 1895 god [Memorable book of St. Petersburg province for 1895]. SPb., 1895. Razd. pag. (in Russian).

Pamyatnaya knizhka Sankt-Peterburgskoi gubernii na 1898 god [Memorable book of St. Petersburg province for 1898]. SPb., 1898. Razd. pag. (in Russian).

Pamyatnaya knizhka Sankt-Peterburgskoi gubernii na 1905 g. [Memorable book of St. Petersburg province for 1905]. SPb., 1905. Razd. pag. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 3-e. T. 10. № 7211. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 383. Inventory 8. File 7153; Fund 383. Inventory 22. File 32 939 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 383. Inventory 29. File 1195 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 383. Inventory 29. File 1198 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 733. Inventory 186. File 2324 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 758. Inventory 9. File 442 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 758. Inventory 9. File 658 (in Russian).

Smirnova T. M. Natsional'nost' — piterskie: *Natsional'nye men'shinstva Peterburga i Leningradskoi oblasti v XX veke* [Nationality — Petersburgers: National Minorities of St.

Petersburg and the Leningrad Region in the Twentieth Century]. Saint Petersburg: Sudarynya, 2002, 584 p. (in Russian).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem senate [Collection of decrees and orders of the Government, published under the Government Senate]. 1916, otd. 1, Petrograd, 1916, 988 p. (in Russian).

Statisticheskii sbornik po Petrogradu i Petrogradskoi gubernii 1922 g. Petrogradg, 1922, 344 p. (in Russian).

Tablitsy uchebnykh zavedenii vsekh vedomstv Rossiiskoi imperii, s pokazaniem otnosheniya chisla uchashchikhsya k chislu zhitelei [Tables of educational institutions of all departments of the Russian Empire, showing the ratio of the number of students to the number of inhabitants]. Saint Petersburg, 1838, 109 p. (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 8. Inventory 1. File 21 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Fund 766. Inventory 1. File 596 (in Russian).

Tsirkulyar po Petrogradskomu uchebnому okrugu [Circular for the Petrograd school district]. Petrogradg, 1914, 1915 (in Russian).

Shrader T.A. Shkol'noe obrazovanie v nemetskikh koloniakh Leningradskoi gubernii v 20-kh gg. [School education in the German colonies of Leningrad Province in the 20s]. *Nemtsy i obrazovanie v Rossii* [Germans and Education in Russia]. Saint Peterburg: B-ka RAN, 1998, pp. 260–267 (in Russian).

Gernet A. *Geshikhte der Allerekst bestetigen Unterstuttsungskasse fyur Efangelish-Luterische Gemaynden in Rusland* [History of the Highest confirmed support fund for Evangelical-Lutheran congregations in Russia]. Saint Petersburg: Buchdruckerei J. Watsar, 1909, 360 p. (in German).

Wosnessenskaja Ch. *Die Sommerpraxis der Studenten des Deutschen Pädagogischen Zentraltechnikums in Leningrad 1927* [The summer practice of the students of the German Central Pedagogical Technical College in Leningrad in 1927]. *Wolgadeutsches Schulblatt* [Volga German School Journal]. 1928, no. 7, pp. 703–708 (in German).

Статья поступила в редакцию: 11.05.2025

Принята к публикации: 03.09.2025

Дата публикации: 30.09.2025